

ГЛАВА 6

Аполлонизм или коммунизм?

Как поставили мы в 1-ой главе вопрос о писательстве и уже почти были готовы начать его рассматривать, приведя слова М.А.Шолохова, так во всех оставленных позади главах не смогли к этому вопросу подступиться. Сперва телевизор отвлек. Потом разговор о Богослужебном языке завязался. Но для служащих людей разговор о языке, на котором они служат, был просто необходим. Потом опять глава о телевизоре, как очередная серия, возникла перед нашими глазами. Впрочем, и с телевизором тоже надо было разобраться, потому что это как раз та штука, которая чрезвычайно мешает службе. И нет никакой разницы, включен он в голове или на тумбочке, в мечтах или в розетке.

Телевизор нисколько не мешает работе. Телевизор даже полезен для работника, чтобы тот мог отдохнуть после рабочих часов. Отработал их сколько-то и – свободен. Отдыхай себе вместе с заработанной кормёжкой перед заработанным зрелищем. Тогда как для трезвенной службы телевизор самое серьёзное препятствие, потому что служба это не работа, она не может останавливаться. На то она и служба, что в любой час могут потребовать с отчётом. *Смотрите, бодрствуйте, молитесь, ибо не знаете, когда наступит это время* (Мк.13:33). *Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш придет* (Мф.24:42).

Но, вот, похоже, пришло время благоприятное и час благоуветлив (*), чтобы поговорить нам и о заявленной в 1-ой главе теме писательства. Действительно, пора объясниться, зачем писатели пишут?

«Писатели, - спросим мы их, - зачем вы пишете?» А они в ответ: «Зачем вы дышите?» Ну, вот, и поговори с ними о чём-либо серьёзном. Ветреный народ. Придётся нам самим догадываться и отвечать, что же заставляет писателя браться за перо, ручку или компьютерную клавиатуру.

Начало догадок они нам подсказали своим ответо-вопросом. Действительно, писатель пишет, как дышит, пишет, потому что не может не писать. Или, как мы уже слышали от М.А.Шолохова, пишет по велению сердца. Ничего нового Шолохов не сказал, потому что ничего нового здесь и не скажешь. Давно известно, что *от избытка сердца уста глаголют* (Мф.12:34), и эти слова относятся к числу тех очевидных истин, которые зовутся по-гречески аксиомами (**).

Однако есть писатели, и таких, увы, большинство, которые считают своим долгом выразиться неподражаемо. Вот что сочинил, например, Александр Александрович Блок в своей речи-завещании «О назначении поэта»: «На бездонных глубинах, где человек перестаёт быть человеком, недоступных для государства и общества, созданных цивилизацией, – катятся звуковые волны, подобные волнам эфира, объемлющим вселенную; там идут ритмические колебания, подобные процессам, образующим горы, ветры, морские течения, растительный и животный мир... Первое дело, которое требует от поэта его служение – ...поднять внешние покровы..., приобщиться... к безначальной стихии, катящей звуковые волны. Таинственное дело совершилось: покров снят, глубина открыта, звук принят в душу. Второе требование Аполлона заключается в том, чтобы поднятый из глубины... звук был заключен в прочную и осязательную форму слова; звуки и слова должны образовать единую гармонию».

Удивительный народ эти книжники, чем мудрёнее, тем им лучше. Казалось бы, чего проще? Поэт пишет по вдохновению. Однако бездны, глубины, волны, покровы... И всё это на полном серьёзе катится на читателя. Блоку легко было повторить слова Господа, как

сделал это Шолохов, немного изменив их по-своему, но не повторил. Неужели Блок не знал Евангельских слов? Отлично знал, потому что не раз их слышал. Тогда зачем эта несусветная дичь? (***)

(*) Т.е. благоприветлив. Увет, значит, совет, радушие, ласка. Из словаря В.И.Даля.

(**) Греческое слово «аксиома» родственно слову, которое можно иногда услышать в храме, «аксиос» – достоин. Первоначально слово «аксиома» употреблялось в значении «достоинство, почёт, авторитет». Позднее оно стало означать «положение, не требующее доказательств». Поэтому, занимательно толкуя, «аксиомой» может быть названо такое утверждение, которое достойно быть принято без проверки, т.е. с троекратным «аксион» (ср.р.).

(***) Несусветный – несосветный, т.е. «не со света», как толкует это слово В.И.Даль.

Может, Блок хотел доискаться первопричин, откуда этот сердечный «избыток» берётся? И вправду, интересно знать, откуда вдруг возникает в сердце переполняющая его сила, которая принуждает уста глаголать, а руку писать? Так ведь и об этой силе в том же Священном Писании ясно сказано: *веровах, темже возглаголах* (Пс.115:1). В Синодальном переводе: *Я веровал, и потому говорил...* Человек верует, и потому говорит. Избыток веры – вот что заставляет человека глаголать.

Более того, сама речь говорящего есть ни что иное, как выражение его веры, о чём нам Апостол Павел говорит так: *пророчествуй по мере веры* (Рим.12:6). Т.е. пророческое ли, поэтическое ли, да, думаю, что и всякое слово рождается в человеке от желания поделиться своей верой. Спасительной или суетной верой? – это другой вопрос.

Радиотехника даёт нам следующий образ для выражения этой мысли: сердце есть приемник веры, а слово – её проводник. Причём, не только произнесение, но и восприятие слова напрямую зависит от веры. Он же, Апостол Павел так говорит о причине гибели в пустыне евреев, которые хотя и слышали возвещённое им через Моисея обетование Божие, но не приняли его по неверию. *Ибо и нам оно возвещено, как и тем; но не принесло им пользы слово слышанное, не растворенное верою слышавших* (Евр.4:2). (*)

Значит, не только говорит, но и слышит человек по мере своей веры. Поэтому, если и будет с нашей стороны дерзновением изменение Псаломского стиха таким образом: *веровах, темже услышах*, то дерзновением совершенно уместным. И в другом месте Апостол говорит, что *вера от слышания, а слышание от слова Божия* (Рим.10:17). В Рим.10:17 Апостол говорит о слышании слухом, но в Евр.4:2 – о слышании душою и духом, т.е. о том самом слышании, в тайны которого пытается проникнуть поэт Блок.

Итак, причиной *избытка* сердечного, от которого *уста глаголют*, и которого покровы хотел снять А.А.Блок, является вера. «Первое дело, которое требует от поэта его служение – ...поднять внешние покровы..., приобщиться... к безначальной стихии, катящей звуковые волны. Таинственное дело совершилось: покров снят, глубина открыта, звук принят в душу».

«Простите, Александр Александрович, - осмелимся мы прервать речь поэта. - Что это за звук? Просто звук? Но просто звуков не бывает. Ничего не бывает просто так, и нам это хорошо известно с детского сада. Значит, одно из двух: либо это звук самого Создателя, либо звук одного из Его созданий. Либо душа слышит голос Пастыря, зовущего Свою погибшую овцу (ср.Мф.18:12), либо слышит чей-то чужой голос, желающий привлечь её к

себе ради самого себя (ср. Ин.8:42). Кого душа слышит и кого она слушает – зависит только от неё самой. Короче, всё зависит от веры. Но какой веры? Вот в чём вопрос».

Шолохов был верующий человек, и Блок был верующий человек. Оба с верою прислушивались к «безначальной стихии». Оба с верою принимали из неё те звуки, которые соответствовали верам их душ, или же, вновь прибегая к радиотехническому образу, ловили из эфира те волны, на которые были настроены приёмники их сердец. Конечно, оба они, и писатель Шолохов, и поэт Блок, были глубоко верующими людьми, но если первый верил Коммунизму, то второй, как мы только что прочли, Аполлону. (**). И оба были тверды в своём неверии единому Истинному Богу. Но Шолохов был всё же ближе к первоисточнику, т.е. Священному Писанию, чем Блок, значит, был ближе и к Первоисточнику истинной веры – Господу Иисусу.

(*) Какое чудное выражение: растворить слово верою.

(**) *Царем над собою она [саранча] имела аггела бездны; имя ему по-еврейски Аваддон, а по-гречески Аполлион (Откр.9:11).*

Русское прошлое непредсказуемо

Поскольку писательская тема волнует нас не из-за глубин, «недоступных для государства и общества», но по причинам совершенно обыденным, связанным с общественным служением, постольку писатели нас интересуют не все, но только служащие.

Мы, как читатель, наверное, помнит, взялись исследовать эту тему не просто так, но из-за некоего долга, стоящего перед автором этих заметок. Поэтому до неслужащих романистов, беллетристов, эссеистов, юмористов и т.д., *ихже несть числа* (Пс.103:25), нам дела нет. Зачем они пишут? Что ими движет, какие цели влекут, какие образы преследуют? Эти вопросы, может быть, кого-то и впрямь серьёзно волнуют, но не нас. Нам интересен писатель, который служит. Или, как говорили в советское время, выполняет соцзаказ. Короче, нас интересует писатель, который в ответ на обвинения в том, что пишет он по заказу, по-шолоховски отчеканил, что пишет он по велению сердца, однако же сердце своё имеет принадлежащим Православной Церкви.

Шолохов, конечно, сказал не так. Он сказал: коммунистической партии, но ведь мы предупреждали читателя, что процитируем слова М.А.Шолохова не для того, чтобы назвать их правильными, а чтобы извлечь из них христианское зерно, окруженное гнилью «светлого будущего». Шолохов сказал неверно по форме, но верно по сути. Что же плохого будет в том, если мы извлечём эту суть? Очистим её от гнили и положим в великую кладовую русского слова? Эта суть – служение. Суть слов М.А.Шолохова «мы пишем по велению сердца, а сердца наши принадлежат коммунистической партии» заключается в идее служения. Эта идея правильная, эта идея великая, эта идея двигала и будет двигать горами и реками. И в советское время она двигала, работала, толкала... Но куда? В пропасть? Но только ли в пропасть?

Мы для того поставили рядом имена Блока и Шолохова, чтобы на таком простом и кому-то, может быть, покажушемся неубедительным и даже притянутом сравнении увидеть гораздо большее, чем творческие кредо этих писателей. Кстати, о неубедительности, притянутости и прочем. Прошу читателя обратить внимание на подзаголовок этого сочинения: роман со стихами. Перед вами не научное исследование, ищущее точности и

доказательности, перед вами роман, а имена поэта Блока и писателя Шолохова использованы в нём как имена персонажей. И кто мне запретит так поступить?

«Страх Божий и любовь к Его истине должны, батюшка, запретить вам так делать, потому что имена Шолохова и Блока это имена людей, хотя и усопших», - сказали мне читатели.

Что тут отвечать? Именно страх Божий и любовь к Христовой истине принуждает меня говорить о писателях, а не о людях. Я не говорю о людях и стараюсь говорить только о писателях, и сужу при этом по их текстам, т.е. самым достоверным словам. Вся литература и вся культура построена на использовании имён усопших людей. Например, исторические книги, кино, романы... Где страх Божий у деятелей культуры? Где страх Божий у актёра, который, если бы только на минуту прочувствовал эту мысль, что он делает чудовищно непозволительное дело, когда надевает на себя личину усопшего живого человека и от его имени говорит и действует перед миллионами зрителей, – он бы содрогнулся от ужаса. Но ужаса нет. Потому всё вокруг нас и внутри нас залито километровым слоем бетона, бетона от культуры. И вы меня упрекаете, что я, нет, не примеряю на себя лицо усопшего, не играю от его лица сцен и не говорю от его имени выдуманных слов, но беру то, что доподлинно им написано и пытаюсь сказать об этом своё мнение, причём, чтобы читателю не было скучно, потому что он настолько избалован этой самой культурой, что уже ничего не воспринимает неразыгранного, пытаюсь как-то разнообразить своё сочинение, и вы меня за это упрекаете? Я в гневе от ваших слов, читатель.

Итак, нечто большее, чем творческие манеры двух этих великих художников слова мы можем увидеть, поставив их рядом. Что же именно? Мы уже видели, что православный поэт Блок был в своих писаниях и исканиях в разобранном нами случае дальше от первоисточника, т.е. Священного Писания, чем писатель-коммунист Шолохов. Следующая же мысль – если принять за верное, что писатель есть выразитель народных чаяний и дум – напрашивается сама собой. Если писатели Блок и Шолохов есть зеркала своих эпох, то, может, и сама жизнь в благополучные царские времена была дальше от Первоисточника, чем в тёмные светлые советские годы?

Знаю, что недоумение вызовут у читателя эти слова, и вижу, что уже противоречу сам себе, увлечшись защитой писателя-коммуниста. И всё потому, что пишу не обвиняясь (*). А надо бы писать замысловатее, с красивыми фразами, которыми обставляют свою речь все умные люди. Ну, например, так. Жизнь Советского государства была ближе к Богу в сравнении с жизнью Российской империи не сама по себе, но взятая в интенции. (**). Тем более непонятно? Что ж, значит, придётся писать без околичностей.

(*) «Но не обвиняясь рцы, вся елика соделал еси...», - слышим мы в молитвах перед исповедью. Что значит «не обвиняясь»? По толкованию прот.Дьяченко «обиновение» значит «недоумение, сомнение, страх, лицемерие». В.И.Даль пытается проникнуть в даль этого слова и производит его от слов «об» и «иной», т.е. об-минование, об-хождение, обход чего-либо «иною». И получает выговор в виде восклицательного знака от позднейших редакторов своего словаря, дескать, недопустимо, Владимир Иванович, производить слово «обиновение» от «об» и «иной». Ну, раз, недопустимо, значит, недопустимо. Хотя, если бы это было недопустимо, то Даль бы и не производил. Короче, согласно толкованию В.И.Даля слово «обиновение» в русском языке значит «лицемерие, пристрастие, намёк, двусмысленность, иносказание». Такое же значение оно имеет и в церковно-славянском

языке, например, *«тогда рече им Иисус не обинуяся: Лазарь умре»* (Ин.11:14); *«...и обинования лица несть у Него»* (Еф.6:9).

(**) Intention (англ.) – намерение, умысел. Я с интенцией, т.е. с намерением выбрал латино-английское слово для этого предложения, чтобы ещё более пустить в него туману.

Да, по всей Российской империи стояли храмы, но молились ли в них Богу так, как должно Ему молиться, т.е. не за страх, а за совесть? Как стали потом судорожно молиться граждане СССР страшному богу коммунизма. Да, был Помазанник Божий, но служили ли ему так, как должно служить от Бога поставленному Царю, т.е. верой и правдой? Как стали потом неистово служить помазанным своей народной кровью вождям. Да, стояли храмы, и царствовал государь, но разве не цвело по отношению к Богу и к царю пышным цветом лицемерие с фарисейством – самое пагубное и, потому, самое неприемлемое для Господа состояние человеческих душ? (*)

Так куда же вела коммунистическая идея? В погибельную пропасть или на мучительное очищение называвших себя православными, в действительности же давно обьязычившихся и даже утративших понятие о том, что такое христианство, христиан? В могильный ров или на некоторое временное наказание? А, может, на попущенное Богом огненное искушение для укрепления в праведности? *И в мале наказани бывше, великими благодетельствовани будут, яко Бог искуси их и обрете их достойны Себе, яко злато в горниле искуси их, и яко всеплодие жертвенное прият я* (Прем.3:5,6).

Эти слова часто читаются в церкви в качестве паримии в дни памяти святых. Они служат объяснением внутренней причины попускаемых Богом наказаний: *в мале наказани бывше, великими благодетельствовани будут*. Другую, внешнюю причину указывает Апостол Павел, когда пишет солунянам, что *мы сами хвалимся вами в церквах Божиих, терпением вашим и верою во всех гонениях и скорбях, переносимых вами, в доказательство того, что будет праведный суд Божий, чтобы вам удостоиться Царствия Божия, для которого и страдаете. Ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явление Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его* (2Фесс.1:4-7). Из этих слов Апостола следует, что внешней причиной посылаемых от Бога наказаний является то, что гонения и скорби служат доказательством грядущего Божьего Суда.

Вопросов в истории всегда много больше, чем ответов. А главных ответов на главные вопросы не будет известно до самого её конца. Это почему? Потому что судить о прожитой жизни страной или народом или отдельным человеком можно окончательно и бесповоротно только с высоты последнего дня. В этот последний день и час может случиться нечто такое, что совершенно в ином свете покажет все прошлые события. Поэтому пущенная в ход очередным юмористом фраза о том, что русское прошлое непредсказуемо, на самом деле не иронична, но глубоко трагична. Прошлое моей страны и моё личное прошлое непредсказуемы, потому что непредсказуемо наше будущее.

Новозаветным временем без Христа было названо мною советское время российской истории. Но не для того, чтобы примирить непримиримое, я сочинил ему такое неуклюжее название. А оно, если вдуматься, попросту невозможно, потому что, если без Христа, то и без Нового Завета. Но, повторяю, не для того, чтобы сочетать несочетаемое, я его придумал. *Ибо какое общение праведности с беззаконием? Что общего у света с тьмою? Какое*

согласие между Христом и Велиаром? (**) (2Кор.6:14-16). Не согласовать я их хочу, но увидеть в беззаконии, во тьме, в неверии и в идолослужении, т.е. в недавней нашей истории свет низверженного церковного светильника (ср.Откр.2:5), и чистоту православного исповедования Христа, которое начало гнить в царское, но было очищено в советское время.

(*) «А Петру I тоже надо было служить, когда он брады честные рвал, девок из теремов оголял и на ассамблеи с пьяными мужиками гонял? - спросили автора. - Хорошо ли вы знаете, как жила 19-й век (раньше даже не беру) вся семейная царская верхушка (исключая исключения)?» Что ответил автор? Царь, каким бы он не был, есть царь. И надо было служить царю, чтобы не служить потом пахану в государстве, превращённом в зону.

(**) Велиар. Кто это или что это? В лопухинских комментариях сказано: «В Ветхом Завете имени Велиар соответствует слово «велиал», обозначающее собою вещь или дело совершенно бесполезное, ни к чему негодное; но здесь, как видно из противопоставления Велиара Христу, слово «Велиар» обозначает личность». Добавить к этому комментарию можно стих из русского перевода Псалтири: *слово велиала пришло на него; он слег; не встать ему более* (Пс.40:9). По-церковнославянски этот стих звучит так: *слово законопреступное возложиша на мя: еда спяй не приложит воскреснути*. Или в переводе П.Юнгера: «Слово законопреступное составили на меня (говоря): «Ужели лежащий снова восстанет?»»

Крест народной памяти

Романисту легко пишется в тепле и сытости своих письменного и обеденного столов, но как подумаешь, каким было это очищение, так содрогнёшься. Но потому-то и свято для меня советское время моей истории, что теперь, в 21-м веке, я знаю, какой ценой совершилось это очищение. Потому-то никогда не будет для меня история Союза Советских Социалистических Республик поганой, как этому меня хотят научить очередные «историки», что я знаю теперь, что он был великим союзом тяжелейших мук и испытаний всех его народов.

Никто не забыт, ничто не забыто. Эти слова я трепетной рукой беру из советской истории, чтобы навечно укрепить их, только уже не на стеле с пятиконечной звездой (*), но на православном кресте, поставленном поверх самой этой истории, на кресте нашей народной памяти.

Последнее выражение заимствовано мной из статьи Евгения Семеновича Полищука «Человек и Бог в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова». «Этой новой правдой, новым знанием о человеке и новым укреплением духа мы бесконечно обязаны таким людям, как Шаламов. «Колымские рассказы» – чтение нелегкое, но куда тяжелее сама жизнь, куда страшнее звериный оскал тоталитаризма, когда он отбрасывает свои идеологические ухищрения, снимает парик и стирает грим, когда он чувствует себя самим собой, у себя дома – в концентрационном лагере. Рассказы Шаламова – более верное зеркало эпохи, чем вся подцензурная советская литература, вместе взятая. Но и цена, заплаченная автором, велика: его «живая кровь» запеклась на многих страницах. И помнить об этом – наш долг, наша обязанность, наш крест...» (**)

Конечно, нет и не может быть ничего общего у Христа с Велиаром, у света с тьмою, но, прибегая к излюбленной нашей парадоксалистике (***), можно сказать, что всё же общим будет для них то, что для свечения света нужна тьма, что света без тьмы не бывает. И

потому, какой бы тёмной и страшной не была советская история для христианина, он всегда увидит в ней луч светлого будущего, т.е. взятого уже без кавычек, в самом прямом смысле светлого Божьего Царства. Увидит он и у этого в беззакониях зачатого и во грехах рождённого окровавленного уroda, выросшего в большого дурака – Советского государства, – дорогое и родное лицо. *И свет во тме светится, и тьма его не объят* (Ин.1:5).

(*) «Как писать: стела или стелла, и откуда она взялась в русском языке? Посмотрел в английском словаре: stellar - «звёздный» и в латинском: stella - «звезда», и хотел уже было слово «стелла» к англо-латинским корням отнести. Но потом смотрю в греческий: «стелло» - «ставлю, устанавливаю, снаряжаю», и выясняю, что римляне заимствовали у греков это слово в значении «столб, столп, надгробная плита» с написанием через одну «л»: stela. У В.И.Даля нет ни «стеллы», ни «стелы», хотя есть «стелажи» (с одной «л») - «подмости, леса».

(**) Журнал Московской Патриархии. 1994, № 2.

(***) Греческое слово «парадокс» состоит из приставки «пара» - 1) у, возле, 2) мимо, 3) вопреки; и корня «докса» - 1) предположение, 2) мнение других о ком-либо, 3) слава. Выходит, слово «парадокс» может быть буквально переведено как «против мнения». Но парадокс на то и парадокс, что его ещё можно перевести как «возле славы». Чьей, спрашивается, славы? Конечно, Божией.

Что же касается 45-летнего христианина, автора этих строк, то советская история для него это его личная история, и потому, кому, как не ему, с ней разбираться? Я в СССР родился и вырос. Россия, рос и я с тобой. Стало быть, как в отношении к отцу и матери мне заповедано: *Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои...* (Исх.20:12), так и в отношении к советской истории мне нужно иметь сыновнее почтение.

Советская история есть страница русской истории, которая для меня также священна, как священна Евангельская история, как священны, например, стихи 142-го псалма, в надписании, т.е. в заглавии которого сказано, что он был изречён пророком Давидом, *егда гоняше его Авессалом, сын его*. А если так, если священна Евангельская и русская истории, то должна быть священна и советская история как неотъемлемая их часть.

142-й псалом читается в храмах на Шестопсалмии при погашенных свечах. А вспомнил я его не только потому, что в нём есть стих, напрямую относящийся к истории: *Помянух дни древния: поучихся во всех делех Твоих, в творениих руку Твою поучахся*, и даже не потому, что хотел напомнить читателю сопровождающий это чтение церковный мрак, но потому, что самое содержание этого Псалма вкупе с причиной его написания учит христиан, каким должно быть их отношение к тёмным пятнам своей истории. И общественной, и личной. (*) И каким же оно должно быть? *Скоро услыши мя, Господи, исчезе дух мой, не отврати лица Твоего от мене, и уподоблюся нисходящим в ров* (Пс.142:7). Или в переводе Юнгера: «Скоро услышь меня, Господи; дух мой исчез; не отвращай лица Твоего от меня, (а иначе) я уподоблюсь сходящим в могилу». (**)

(*) «И с отвращением читая жизнь мою, / Я трепещу и проклиная, / И горько жалуясь, / и горько слезы лью, / Но строк печальных не смываю». Один из русских книжников начала

20-го века сравнил эти пушкинские стихи с 50-м Псалмом. Сравнил, конечно, не понимая глубины и высоты Псалтири. 50-й Псалом никак не может быть сравнен со стихами «Когда для смертного умолкнет шумный день...» и поразителен уже тем, что, начинаясь словами *Помилуй мя Боже...*, заканчивается прозрением: *...тогда возложат на алтарь Твой тельцы*. Начинаясь едва слышными всхлипываниями поверженного в прах грешника, и продолжаясь скорбными причитаниями отравленного горечью своего преступления беззаконника, псалом заканчивается великим пророческим возгласом.

(**) В Синодальном переводе этот стих звучит так: *Скоро услышь меня, Господи: дух мой изнемогает; не скрывай лица Твоего от меня, чтобы я не уподобился нисходящим в могилу*. Но ведь это совершенно разные выражения: «дух мой исчез» и «дух мой изнемогает»; «не отвращай лица Твоего» и «не скрывай лица Твоего». Нужно ли говорить, какие из них глубже и поэтичнее?

Всё случающееся с нами, случается по Божию промыслу, и если не прямо по воле Его, то по Его попущению. Правильно понять эту волю и смиренно принять её есть дело веры, и, стало быть, дело вечного спасения. Царь и пророк Давид излил из своего сердца столь любимый церковью 50-й Псалом, что читает она его на дню за Богослужением и дома в келейных молитвах по нескольку раз. Но ведь поводом к его написанию послужили дела самые постыдные: прелюбодеяние и убийство. Однако, всей душой покаявшись, праведный Давид оставил нам великий псалом и великий образ покаяния. Он и гонение от Авессалома принял как гонение от руки Божией (см. 2Цар.16:5-13).

Мне кажется, что нынче только духовный слепец будет возражать, как возражал он и возражает, увы, до сих пор, против этой горькой, зато Божией, а не орденоносной правды, что, несмотря на все свои успехи и достижения, советская история в общей летописи Российского государства останется глубоко трагичной главой его духовно-нравственного падения. Но при слёзном её осмыслении и через богомудрое её приятие, милостив Господь и щедр, *не до конца прогневается, ниже во век враждует* (Пс.102,8) могут открыться народные духовные очи, и с ними откроется наша новая историческая страница – молитвенно-покаянная.

Понятно, что не о бытовой безнравственности и житейских зверствах загнавшего себя в концлагерь государства, должна идти речь на этой странице, хотя и о них тоже, но о дьяволоподобном превозношении перед Богом и горделивом возвеличивании перед другими народами и государствами.

О Русь, куда несёшься ты? (*) Остановись и задумайся.

О Русь, взмахни крылами. Угомонись и опомнись.

Ибо *видех нечестиваго превозносящася и высящася яко кедры ливанския: и мимо идох, и се не бе, и взысках его, и не обретеса место его* (Пс.36:36).

Что же касается поганых коммунистов, мелькнувших было в конце 1-ой главы, то погаными они для христиан, как и написанная ими советская страница Российской истории, никогда не будут. Поган коммунизм, но не коммунисты. А советская история для христиан свята уже потому, что вся она залита христианскою, Христовою кровью.

(*) Помню, как учил я в школе эти проникновенные гоголевские слова: «Не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься? /.../ Русь, куда ж несешься ты, дай ответ? Не дает ответа. Чудным звоном заливаются колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух; летит

мимо всё, что ни есть на земле, и косясь посторониваются и дают ей дорогу другие народы и государства». Помню и то, как уже в институте прочитал шукшинское недоумение: «А на тройке-то Чичиков?!» Но теперь только, в лоне Церкви, они связались для меня с Библейскими стихами: *Елисей же зряше и вопияше: отче, отче, колесница Израилева и конница его! И не увиде его ктому* (4Цар.2:12). Однако ничего хорошего из сопоставления Гоголя с Библией не выходит. Потому что, мало того, что на необгонимую тройку под названием Русь воссел негодяй Чичиков и погоняет Селифана, так ведь едет он, собирая мёртвые души! Если мы захотим увидеть в этом образе некое пророчество, а не просто литературу, то смысл возникает, конечно, жуткий. А если сказать, что слова «не так ли и ты, Русь, что бойкая необгонимая тройка, несешься» это – всего лишь художественный образ, что не нужно брать во внимание ни Чичикова, ни мертвые души, и что на этот, созданный Гоголем словесный образ нужно только любоваться, то ведь это и будет то, что называется у Святых отцов прелестью, т.е. красивой и пустой наружностью. (**) *Никто да не обольщает вас пустыми словами, ибо за это приходит гнев Божий на сынов противления* (Еф.5:6). Поэтому в Священном Писании всё наоборот: словесная оболочка минимальна, а смысловое содержание – неисчерпаемо. *Когда они шли и дорогою разговаривали, вдруг явилась колесница огненная и кони огненные, и разлучили их обоих, и понесся Илия в вихре на небо. Елисей же смотрел и воскликнул: отец мой, отец мой, колесница Израиля и конница его! И не видел его более* (4Цар.2:11-12). Вот и попробуй исчерпать смысл двух этих стихов. Всей жизни не хватит, да и по смерти ещё останется.

(**) «Ну вот, за Гоголя взялись, и всё тем же макаром...», - сказали автору читатели. - Но это никак не «словесный образ», на который «нужно только любоваться», это кусок сердца Гоголя и его вопль о Руси». Так ведь и я о том же говорю, читатель, что, если это кусок сердца и вопль души, то кусок – страшный, и вопль – жуткий. Поэтому и надо рассматривать этот образ как страшное пророчество. Но ведь никто его так не изучает и не рассматривает.

Несть иудей, ни еллин

Историческая тема проходила и будет проходить красной нитью, как через эти записки, так и через всю нашу жизнь. Иначе и быть не может. Потому что вопросы: кто я? кто мы? откуда? зачем? куда? – это всё исторические вопросы. Исторические в том смысле, что принадлежат предмету истории, и в том смысле исторические, что являются главными вопросами бытия.

От истории никуда не деться. И даже говоря о воплотившемся Слове Божиим, нельзя историческую тему миновать. В самом деле, в Символе нашей веры, в этом предельно кратком и в то же время запредельно всеобъемлющем религиозном трактате, где каждое слово на вес, даже не знаю, с чем сравнить, но явно не с золотом и ни с какой другой драгоценностью нельзя сравнить каждое слово Символа веры, как нельзя поставить на одни весы что-то земное и ту вечную жизнь, которая словесно в нём раскрыта. Так вот, зачем надо было в Символе веры какого-то Понтия Пилата упоминать? Зачем надо было рядом со словами о Творце неба и земли и о Его Единородном Сыне, о воскресении, о жизни будущего века, о цели и смысле вообще всего-всего, имя какого-то прокуратора ставить? Затем, чтобы сказать, что всё совершённое и совершаемое Богом нашего ради спасения совершается не отвлечённо, но в определённый Им исторический час. От истории нам

никуда не уйти. Даже в вечность. Потому что Единородное Слово Божие воплотилось не вообще, не в отвлечённой плоти, но в отдельном человеческом теле, и Его родословие можно прочесть в самых первых стихах Нового Завета.

Новый Завет Бога с человеком начинается словами: *Книга родства Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамля...* (Мф.1:1). Поэтому, я не знаю, насколько уверенно можно говорить о том, что такие краеугольные камни человеческой личности как пол и национальность не наследуют вечности, как я прочитал об этом в одной учёной православной книжке.

«Вы, батюшка, увлеклись, - скажет мне читатель, - и забыли слова любимого вами Апостола Павла. Напомнить их? *Елицы бо во Христа крестистесь, во Христа облекостесь. Несть иудей, ни еллин: несть раб, ни свободь: несть мужеский пол, ни женский: вси бо вы едино есте о Христе Иисусе* (Гал.3:28)».

Эти слова забыть невозможно, любезный читатель. Спаси Бог, что вы привели их по-церковнославянски. Они читаются в церкви в дни памяти святых жён. Хочу поделиться своими размышлениями о них, а вы уже сам решайте, верить или не верить попу-романисту.

Кем единым я являюсь во Христе Иисусе, мне едва понятно даже сейчас, когда я имею пол и национальность. Но ещё более непонятно, кем я буду в Нём, когда они у меня отнимутся. Апостол учит, что я должен быть «единым». Дай Бог, чтобы я им окончательно стал. Но чтобы быть единым, надо это единое в себе иметь, надо, чтобы это единое не только соединяло меня, но в то же время и отличало меня от других единых. Потому что, даже во Христовом единстве должно быть моё отличие (*), моя личность. А без пола и национальности кем я буду во Христе Иисусе? Атомом, подобным миллиардам таких же атомов? Где же тогда моя неповторимая личность, которая более дорога Богу, нежели мне самому?

Там всё будет совершенно новым, и сам я буду с новым именем, как говорит Апокалипсис (ср.Откр.2:17), если, конечно, буду. Дай Бог, чтобы был. Но чем это новое имя будет определено? Разве не настоящими моими именем и фамилией, которые мне дал Бог? Так как же они не пойдут со мной в вечность? И сам я куда годен без них? В какой-либо механизм, составленный из пронумерованных деталей? (**). Кто буду я без истории даже там, где всё земное должно стереться перед лицом Божиим? Я сказал: должно стереться? Но если всё земное сотрётся и исчезнет, как пыль, то, что останется? Любовь к Богу? Но ведь эта любовь с земных «мелочей» начинается: с любви к матери, к родине, к женщине, к истории... И если не было в моей временной жизни любви к этим «мелочам», к этим великим дарам Божиим, откуда возьмётся вечная любовь к Нему? Если чувство любви не родилось в душе человека, то как оно сможет прорасти в его духе? Если душа не прошла школы земного любовного мучения, то где и как дух человека сможет научиться этой сладкой муке для вечности?

Да, конечно, несть иудей, ни еллин во Христе Иисусе... Кто бы спорил с Апостолом? Но именно поэтому, что в Боге нет национальности, я должен переболеть ею (***), а также своими полом и общественным местоположением, как болеют дети ветрянкой, чтобы оказаться в Господе Иисусе уже здоровым и единым. (****) Так, пожалуйста, не берегайте меня вредной заботой от этой необходимой для спасения моей личности болезни. Не кутайте мне горло шарфом толерантности. Да, конечно, несть иудей, ни еллин во Христе Иисусе, но без иудея и еллина Христа также несть. И потому всякий сознательный христианин поневоле становится историком и писателем. (*****)

«Узнаю старых знакомых, выстроенных рядами: сознательный комсомолец, сознательный боец, сознательный гражданин, - скажет читатель. - Теперь, значит, сознательный христианин?»

Ну, а какое другое слово должно здесь стоять? Разумный? Ум это, конечно, далеко не то, что сознание. Слово «со-знание» происходит от слова «знание», и из одного этого наблюдения можно заключить, что сознание привносится, тогда как ум должен быть добыт и развит человеком самостоятельно. Умный, не значит знающий. Можно быть умным и мало знать, также и наоборот: можно много знать и быть неумным. Значит, разумный христианин? Конечно, слово «разумный» должно здесь стоять. Об этом нам Псалмопевец говорит: *Пойте Богу нашему пойте, пойте Цареву нашему, пойте. Яко Царь всея земли Бог, пойте разумно* (Пс.46:7-8).

(*) Само слово «отличие» несёт в себе корень, общий с корнями слов «лик, лицо, личность».

(**) Имя – лично, а номер – индивидуален. Различие личности и индивидуальности, а также имени и номера можно рассмотреть на примере слова «идентифицировать». Оно вошло в русский язык в значении «определять, отделять». Во всяком случае, я его себе так осмыслил и принял: идентифицировать, значит, отличить от других. Но посмотрите в словарь: идентифицировать, значит, «отождествлять, делать сходным». Идентификационный номер на самом деле не выделяет, но усредняет, что, в действительности, и происходит при нумерации. Стало быть, индивидуальности усреднены, тогда как личности – неповторимы.

(***) «Что это значит? Как понять?» - спросили автора. «Об этом перебалывании сей роман», - ответил он.

(****) «Как-то по-новому изложен путь спасения», - сказали автору. «Сия болезнь и есть крест. Что же тут нового?» - ответил он.

(*****) «Подлинно высокий христианин отрекается и от этого, потому что тут корень самости, как и во всех писательских занятиях», - сказали автору. «Я говорю о сознательных, а не о подлинно высоких христианах», - ответил он.

Почему историком, об этом мы вкратце поговорили, а писателем-то за что? Может, иной из наших читателей, оставаясь вполне сознательным, простите, разумным христианином, ни за какие коврижки не захотел бы им быть? Может, для некоторых из них самое слово «писатель» звучит как оскорбление? И вправду, после столького вранья этих «инженеров человеческих душ», да после одного только «творческого отчёта» писательской бригады о поездке по Беломорканалу, нельзя без пренебрежения произносить слово «писатель». «Поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан», - вот и Н.А.Некрасов тоже не заставляет нас писать стихи и прозу. Хотя я думаю, что если гражданин разумный, то поэтом своей страны он становится уже своими делами-рифмами, ради неё совершёнными. Впрочем, вопрос с гражданами с каждым годом всё сильнее затуманивается. Кого нынче называть гражданином? Если в старые добрые времена писатель, не желавший быть гражданином своей страны, бежал за границу, как Курбский, Котошихин (*), Герцен и прочие *гади, ихже несть числа* (Пс.103:25), и там уже, как мог, гадил своей стране, то в нынешнее время подобные граждане гадят прямо тут, где живут. Да

только тем и живут, что гадят. Поэтому, я не понимаю, что значит в наше время «гражданином быть обязан», и не касаюсь этой темы, мне бы пока со своим христианством разобраться.

Так вот, о своих христианах я говорю точно: всякий разумный, т.е. православный христианин от крещенской купели – поэт, причём не в переносном, но самом в прямом смысле этого слова. Как это понять? Начнём, как всегда, издалека.

(*) Котошихин Г., автор книги «О России в царствование Алексея Михайловича». Кончина этого беглого подьячего Посольского приказа с точки зрения верующего человека ужасна. За совершённое в пьяной драке убийство Котошихин казнён в Стокгольме в 1667 г. «Утверждают, что его кости до сих пор хранятся в Упсале, как некий монумент, нанизанные на медные и стальные проволоки. Во время занятий на медицинском факультете древнейшего шведского университета скелет Котошихина, его нанизанные на медные и стальные проволоки кости использовались как наглядное пособие». Р.Пересветов. «Тайны выцветших строк».